

УДК 101:82-1/29

DOI: 10.17223/19986645/42/12

А.В. Радионова

ТЕМЫ «ВСЕЛЕННАЯ», «МИР», «МИРОЗДАНИЕ» В ПОЭЗИИ И ФИЛОСОФИИ АЛЕКСЕЯ ФЕДОРОВИЧА ЛОСЕВА

В статье рассматривается поэтическое творчество А.Ф. Лосева, взаимосвязь его лирики с философскими работами. Характеризуются темы «мир», «вселенная», «мироздание». Предлагается методика анализа повторяющихся тематических комплексов. Показано, что ряд окружающих тем являются онтологическими символами, раскрывающими разносторонние философские характеристики, свойственные центральным темам «вселенная», «мир», «мироздание». Определена роль тематических оппозиций.

Ключевые слова: А.Ф. Лосев, философия, лирика, тема, контекстуальный семантический комплекс, онтологический символ.

Огромное влияние на философию А.Ф. Лосева оказало учение Владимира Соловьева. А.Ф. Лосев начал свою научную деятельность в семнадцать лет с осмысления трудов Соловьева и закончил ее написанием книги «Владимир Соловьев и его время».

В философии, по мнению Лосева, возможны два метода: рассудочный, аналитический метод, который, например, свойствен философии Канта, второй метод – поэтический. Много поэтических элементов можно обнаружить в философских системах Платона и Владимира Соловьева. Философский стиль, подобный кантовскому, Лосев называл мирозерцанием, а стиль, свойственный Платону и Владимиру Соловьеву, – мироощущением. На примере анализа поэзии Эсхила он показал, как поэтическое «превращает логически выведенное мирозерцание в непосредственно переживаемое, интуитивно данное мироощущение» [1. С. 783]. Часто через поэтические приемы выражалось и мироощущение самого Лосева. По примеру своего учителя Владимира Соловьева он писал не только научные исследования, но и стихи.

Сохранилась тетрадь с двадцатью его стихотворениями, написанными в 1942–1943 гг. Стихотворения, содержащиеся в этой тетради, анализировала в ряде своих работ Е.А. Тахо-Годи. В статье «Поэтический мир А.Ф. Лосева» [2. С. 648–654] она выделила определенную структуру этого сборника. Семь стихотворений условно названы «Кавказским циклом» – это стихотворения, посвященные удивительной природе Кавказа, куда в 1936 г. после тюремного заключения, лагеря и ссылки Лосев с женой Валентиной Михайловной совершили путешествие. Тринадцать стихотворений «Дачного цикла» посвящены дачному быту военной поры Лосева и его жены Валентины Михайловны (Лосевы вынуждены были снимать дачу в Подмоскowie, в поселке Кратово, поскольку их дом в Москве был разрушен при бомбежке). Такое разделение, как показала Тахо-Годи, обусловлено не только сменой основной темы, но и резкими стилистическими различиями. В «Кавказском цикле» рифмовка

перекрестная, размеры: четырехстопный ямб и одно стихотворение – четырехстопный хорей, лексика: архаизмы, славянизмы, «неославянизмы», множество сложных прилагательных, а также прилагательных, передающих цветное многообразие, глаголы, выражающие динамику движения. В «Дачном цикле» рифмовка перекрестная и кольцевая, размеры: четырехстопный ямб (9 стихотворений), трехстопный ямб («Благословенна дружба»), чередование четырехстопного хорea с двустопным ямбом («Тревога»), пятистопный дактиль («Странница»), трехстопный анапест («У меня были два обручения»), сдержанная лексика.

Е.А. Тахо-Годи обозначила круг поэтов, оказавших влияние на стихи Лосева: М.Ю. Лермонтов, Тютчев, Вяч. Иванов, Зинаида Гиппиус, Ин. Анненский, Вл. Соловьев [2. С. 448–449]. Так же, как у Владимира Соловьева, стихотворное творчество Лосева многими нитями связано с его философским учением. Определенные черты лирики Лосева указывают на ее философскую направленность и имеют непосредственную связь с философскими трудами автора.

Лосев включал в свой поэтический словарь онтологическую лексику, традиционную для философского дискурса. Рассмотрим поэтическую интерпретацию тем, данных через неоднократно повторяющиеся лексемы «мир», «мироздание» (22 словоупотребления) и «вселенная» (8 словоупотреблений). Лексема «мир»¹ используется в качестве именованного объекта – мира, мироздания; а также в качестве характеристики иного объекта – «мирные стада», «мирная река» и т.п. Мирозданию Лосев дает разностороннюю лирическую характеристику. Оно сотворено Богом, Демиургом: *Взметнул миры, хмельной Теург, / Божьявленной истерии* («Касарское ущелье» [2. С. 505]). Мироздание одушевлено. Причем это не только образное одушевление, но признание мировой Души: *Алканья гроз страстных кинжал, / Раздравший Душу мироздания...* («Касарское ущелье» [2. С. 505]). Когда Лосев раскрывает понятие абсолютного в философии Соловьева, он пишет о силе бытия: абсолютное «есть не бытие, но мощь бытия, бесконечная его потенция» [4. С. 190]. Эта мощь бытия явлена в мотивах и образах «кавказского цикла». Женская ипостась мироздания – «душа миров» – прославлена Лосевым в стихотворении «Казбек» и в «Очерке о музыке». Хотя на первый взгляд основные темы этих текстов различны (горная вершина – в «Казбеке» и «Мать миров» – в «Очерке о музыке»), но лирический текст и текст философский, оформленный как поэтическая проза, многими темами сходны:

«Казбек»

Вершины снежной взлет крутой,
И розоватый, и огнистый,
На синеве торжеств немой
Почил в надвременности мгlistой
Рыданий хаоса дитя,
Премирных мук изнеможенье,
Ты, в грезах нежность обрета,

«Очерк о музыке»

Сонная и вольная, грезящая и светлая, вижу очи Твои,
беспокойные, силе Твоей клубящейся поклоняюсь.
Овеянная радостями тающими, скорбью миров зачатая,
пресветлая Дева, муку миров взрастившая, тайную свет-
лость Твою славословлю. <...>
Светлой Безбрежности, вечному Восторгу, Деве страст-
ной и огненной, пресветлому Лику Ее возмолимся. <...>

¹ «Без имени мир превратился бы в глухую бездну тьмы и хаоса, в которой никто ничего не мог бы ни различить, ни понять и в котором и не было бы и *никого* и *ничего*. С именем мир и человек просветляется, осознается и получает самосознание. С именами начинается разумное и светлое понимание, взаимопонимание и исчезает слепая ночь животного самоощущения» («Вещь и имя»).

Царишь как Божие веленье.
В лазури **чистой** ало, нежно,
Под солнца звон колоколов,
В тебе **ликует** белоснежно
И всепобедно **Мать миров**
[2. С. 504].

Вижу в огне **миров** очи Твои ласковые, из **темных** судеб
и **Времени** возносится тело Твое прозрачное.
О, сожги в себе, Сила **мглистая**... <...>
Душу Твою **летающую**, бездонную, овеванность Твою
нежно-капризную, о, Ты, неуловимая, непостоянная,
тающая и **реющая** Невеста моя, тело вечности пресвет-
лое, **девочка** милая... <...>
...Вечно тающая и живая, всезнающая и всемерная, **мать**
миров и душа **Времени**, **Чистая**!
Память веков, красота существенная, милая и родная,
младенец чистоплотный, **Девочка**-Царица, Невеста-
Мать, зоркая и **высокая**... [5. С. 665–666].

При сравнении двух текстов обнаруживаются точные или контекстуально синонимичные тематические соположения:

«Казбек»	«Очерк о музыке»
вершины	высокая
взлет	Летающая, реющая
огнистый	огненный
почил	сонная
надвременность	Время
Мглистая	Мглистая, темных
рыдания	скорбь
дитя	Девочка, младенец
муки	мука
грезы	грезящая
нежность	нежно
чистая	Чистая
ликует	радости
Мать миров	Мать миров

Используя разные формы речи, но в обоих случаях с помощью художественных приемов автор излагает свое понимание Души Мира. В прозаическом тексте философского эссе, написанного в 1920 г., автор раскрыл подробно качества Матери Миров. А затем более чем через двадцать лет переложил этот текст в стихах, избрав поэтическим символом Матери Миров горную вершину во всей ее первозданной красоте. Оба эти символа связаны с духовным восхождением, с приобщением к высшей мудрости. И в лирике Владимира Соловьева горная вершина являлась символом духовного восхождения к заветному храму: *И до полуночи неробкими шагами / Все буду я идти к желанным берегам, / Туда, где на горе, под новыми звездами, / Весь пламенеющий победными огнями, / Меня дождется мой заветный храм* («В тумане утреннем неверными шагами...» [6. С. 72], см. также стихотворение «Был труден долгий путь. Хоть восхищала взоры...» [6. С. 85]).

Темы стихотворения Лосева «Казбек» перекликаются с темами еще одного стихотворения, раскрывающего тему софийности, стихотворения «Страница». В нем автор дает портрет женщины, посвятившей себя духовной жизни, принесшей ради этого в жертву плотскую красоту, мирские нужды. Это делает обычную женщину воплощением Души Мира: *Верная ты и единая, мать благодатная, / Ты и невеста моя и дочурка любимая*. «Страница», в свою очередь, имеет свои прозаические аналоги. Это, кроме упомянутого фрагмента «Очерк о музыке», еще и фрагмент «Диалектики мифа», в кото-

ром Лосев оппонирует Розанову в его понимании философии женской природы¹. При сравнении параллельных тем стихотворения и прозы мы видим почти дословное совпадение портретного описания:

«Странница»

*О, родная ты...
Подвиг суровый в пустыне веков твои странствия.
Ношу видений своих сберегла ты нетронуто
О, бедная ты и несмелая, незащищенная!
Тельце твоё исхудало, родная, истаяло.
Сердцу не в мочь бремена. Твоя грудка измучилась.
Скорбная, хрупкая, с телом худым и истонченным.
Очи, родная, твои узнаю, истомленные...*

«Диалектика мифа» [7. С. 78]

«милое, родное, вечное»
«кающаяся подвижница»
«чудные и дивные знания»
«сухие и несмелые косточки»
«исхудалое и тонкое тело»
«впалая грудь»
«слабое и хрупкое тело»
«усталые глаза»

Образ Матери Миров парадигматически раскрыт в стихотворениях «Казбек», «Странница» и в прозаических фрагментах «Диалектики мира», «Очерка о музыке» совершенно в духе соловьевского учения о Вечной Женственности, «которая одинаково представлена и как небесная лазурь, и как лик любимой женщины одновременно» [4. С. 209]. Стихотворение «Странница» отсылает нас и к стихотворениям Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...» (*Бедный друг, истомил тебя путь, / Темен взор, и венки твой измяты. / Ты войди же ко мне отдохнуть. / Потускнел, догорая, закат...* [6. С. 79]) и «На смерть Я.П. Полонского» (*Света бледно-нежного / Догоревший луч, / Ветра вздох прибрежного, / Край далеких туч... / Подвиг сердца женского, / Тень мужского зла, / Солнца блеск вселенского / И земная мгла...* [6. С. 132]).

В поэтических текстах Лосева мирозданию свойственны такие качества, как холод, стужа, снежность: *И леденящий мира глад...* («Койшаурская долина» [2. С. 501]); *Здесь снеговой бурей / И лед премирного заклатья* («У снегов Эльбруса» [2. С. 507]); *Льдом тревоги сине-злых / Миров раздражительность* («Тревога» [2. С. 514]). Семантика холода отражает представление о статичном, вечном, чистом мире. В философских работах понятие «холод» имеет концептуальное значение. По определению автора, диалектика как «логическое конструирование» жизни имеет «холодное», т.е. абстрактное, отношение к этой жизни [8. С. 68–69]. Водной стихии Лосев дал поэтическую характеристику: «Там холод и покой. Там вечно спится и не трепещет никакой страстью вечная успокоенность бытия...» [8. С. 295]. Еще ближе к описанию мира в стихах та характеристика, которой наделена воздушная стихия: «Изменой и тоской непостоянства окутывает он; сама с собой играющая вечность, холодно-прекрасная красота стихийного безразличия» [8. С. 296].

¹ «Он не был в строгих женских монастырях и не простаивал ночей в Великом Посту за богослужением, не слышал покаянного хора девственников, не видел слез умиления, телесного и душевного содрогания кающейся подвижницы во время молитвы, не встречал в храме, после многих часов ночного молитвенного подвига, восходящее солнце и не ощутил чудных и дивных знаний, которые дает многодневное неядение и сухоядение, не узнал милого, родного, вечного в этом исхудалом и тонком теле, в этих сухих и несмелых косточках, не почувствовал близкого, светлого, чистого, родного-родного, простого, глубокого, ясного, вселенского, умного, подвижнического, благоуханного, наивного, материнского – в этой впалой груди, в усталых глазах, в слабом и хрупком теле, в черном и длинном одеянии, которое уже одно, само по себе, вливает в оглушенную и оцепеневшую душу умиление и утешение...» [7. С. 78].

В «Очерках античного символизма и мифологии» повторяется образ воздуха-Вечности, наделенной «холодно-прекрасной» красотой стихии [9. С. 125]. Там же дана цитата из Шеллинга, в которой использован образ: поэт «холоден и нечувственен при своем объекте, как сама природа» [9. С. 23]. Похожие характеристики свойственны восприятию тела в античном мироощущении¹. Лосев определяет понятие вечности эпитетом «холодная» [9. С. 755], все идеальное также «холодно» [9. С. 811, 868]. О «холодных интуициях бытия» он говорит в работе «Самое Само» [10. С. 407]. В «Философском комментарии к драмам Рихарда Вагнера» эпитетом «вечно холодная» наделяется понятие Бездны, идущее в комплексе с понятиями «жизнь», «мир», «Судьба» [11. С. 683]. Космическому бытию свойственны качества: «холодные и черные» «безумные и ни с чем не сравнимые пространства и времена», «безумные, потому что познаваемые едва-едва» («Эстетика Возрождения. Разложение эстетики Ренессанса» [12. С. 561]).

С семантикой холода связана семантика голубого и синего цветов. Синий и голубой для Лосева так же важны, как и для Соловьева, в стихах которого неоднократно встречаются синие и голубые туманы, волны, море, горы. В «Дополнениях к “Диалектике мифа”» Лосев характеризует синий цвет, признавая за ним способность появляться при падении света на материю, когда свет уходит вглубь телесности, пропадает в туманности, в пустоте². Отголоски этого поэтического фрагмента философской работы, в котором дано пространственное описание холодной энергии бытия, отзовутся эхом в стихотворениях, посвященных горным перевалам, тому пространству, где особенно остро ощущается близость бездны:

В синь зарыться хочет ум,
В синеве безбрежной скрыться.
В голубых хрусталях дум
Сердце ищет отрезвиться.
Здесь распалось бытие,
Даль разымчивая зрится:
Тело Вечности сине
Если в даль от Света мчится.
«Зекарский перевал» [2. С. 503].

Ум льдиной стал, душа немеет,
И дух кристаллился до дна,
И тонкий хлад беззвучно реет,
И тишина, и тишина...
Клухорский перевал» [2. С. 502].

Знак явления высшей энергии в «сине-голубых безднах» («Зекарский перевал») отразился в целом ряде других стихотворений, в образах: «немая синева торжеств» («Казбек»), «немая синь жил», «злобно-синяя тьма», «синее зиянье» («У снегов Эльбруса»), «синяя мгла» («Зимняя дача в Кратове»), «сине-злые миры» («Тревога»).

¹ «На темном фоне, в результате игры и борьбы света и тени, вырастает бесцветное, безглазое, холодное, мраморное и божественно-прекрасное, гордое и величавое тело – статуя. И мир есть такая статуя, и божества суть такие статуи. <...> Разумеется, античность и холоднее и неподвижнее нового западного мироощущения. В этом неумолимая диалектика: в экстазах плоти и в ее безраздельном господстве всегда есть нечто холодное и отвлеченное... <...> Под ней кроется своя ожигающая мгла и экстаз, свое оргийно рождающее лоно, свое безумие и преодоление тела» [9. С. 68–69].

² «Таков именно голубой или синий цвет. В синем цвете есть уходящая и уводящая вдалеку энергия, но это – холодная энергия; она ничего не дает реального и сама теряется в пустоте, в глубинах пустоты» [13. С. 506].

В стихотворениях мир предстает погруженным в сон: *Застыл пучинный вихрь миров, / Одетый в схиму усыпления, / Привявший сумеречный зов / Седых вериг самозабвения. / Развалин мира вечный сон / И усыпленная прозрачность...* «Клухорский перевал»; *Задушенных вселенных сон / И трудный сон уединений* («Постник» [2. С. 511]). В работе «Самое Само» Лосев связывает состояние сна с процессом сотворения мира, ссылаясь на учение Упанишад [10. С. 359]. В ведантическом индуизме «мышление толкуется как волшебная погруженность в сон», как «путь к Бrame» [10. С. 85].

Семантика сна поддерживает представление о статичном состоянии. Состояние покоя – наиболее соответствующее миру: *И пропастей безмолвны зовы. / И в талом озере покой...* «Клухорский перевал». *Над темно-бронзовою мглой / Манит твой сумрачный покой / <...> / О, здесь торжественный покой / Всемирственного благородства...* «У снегов Эльбруса» [2. С. 505]. Такой же тематический комплекс, выстраивающий образ вселенной, созданной из хаоса, пребывающей в сонном состоянии, в снежном покое мы обнаруживаем у Владимира Соловьева в стихотворении «На Сайме зимой»: *Вся ты закуталась шубой пушистой, / В сне безмятежном, затихнув, лежишь. / Веет не смертью здесь воздух лучистый, Эта прозрачная, белая тишь. // <...> // Ты непорочна, как снег за горами, / Ты многодумна, как зимняя ночь, / Вся ты в лучах, как полярное пламя, / – Темного хаоса светлая дочь!* [6. С. 107]. Лосев анализирует это стихотворение в своей книге о Соловьеве [4. С. 487, 570].

Лосев разграничивал Сущее и Иное, относя категорию покоя к Сущему, а Иное определяя как непокой [8. С. 116]. Но «сущее есть также и движение» [8. С. 117], поскольку оно постоянно изменяется под влиянием окружающего подвижного иного. Если в стихотворениях мы видим движение, то оно связано с процессом становления: *Полн тревоги старой лад / Миров растущих.* «Тревога» [2. С. 514]. Движение мира вызывает тревогу, а тревога создает движение в мире: *Тревогой вечно движем мир, / Гадает жизнь слепыми снами...* «Тревог предвечных шум и стон...» [2. С. 515].

В контекстуальном окружении тем «мир», «мироздание», «пространство» мы обнаруживаем лексику семантического поля «органы чувств». Зрение: *В туманах зол **страстные очи** / И леденящий мира глад / В грехах седой вселенской Ночи / Являют зрящей грезе лик / Верховных таинств мироздания: / Сего **рушенья зрак** велик* («Койшаурская долина» [2. С. 501]); *Страстных видений тайный шум / И сказку юных сновидений / Простосердечно, наобум / Ты въешь в **ажуре умозрений**. / <...> / Но и в премирности ночей / Твой лик мерцал **улыбкой зрящей**...* («Страстных видений тайный шум...» [2. С. 518]); *О, отри слезу в очах, / Зелень, Синь и Алость мира!* («Зекарский перевал» [2. С. 503]); *Гудит пустая **муть очей** / Коричнево-глубинной дали; Очей тут мнится муть и холод, / Оргийно издавна сверкавший, – / Горгоны истступленный взгляд...; Немотно-зlobствующий срыв / Юно-весенне-зрящей боли...; И – только **хладное серебро** / **Очам** испуганным **открыто**; Мрачатся бурями во мгле / При вьюге очи истукана...* («У снегов Эльбруса» [2. С. 506–509]); ***Снегов пустующие очи**...* («Зимняя дача в Кратове» [2. С. 510]). Слух: *Прильнувши страстно-вещим ухом / Артерий мира чуют звон, / Рыданье мира чуют духом* «Постник» [2. С. 511].

Мир сотворен для познания, для восприятия его субъектом. В философии Лосева значимы понятия «умно-видящий глаз»¹ и «умное видение»², объединяющие представления о процессе физического познания и умственного самопознания. Зрящее пространство в поэзии – это явление бытия, в себе самом содержащего абсолютную истину. В античных статуях Лосев подчеркивал безглазость [9. С. 68]. Но подчеркивал, что отсутствие глаз, по сути, является признаком всевидения³. Муть, хлад, мрачение, пустота очей, свойственные пространству, не дают возможности постичь идеальную истину бытия непосредственно, но только через «умное видение». Однако Лосев не останавливается на этом, и уже все органы чувств делает символами умственного познания⁴.

В стихотворениях описанию мироздания сопутствует множество оппозиций, объединенных в комплекс. Это явление можно наблюдать на разных структурных уровнях. У Владимира Соловьева есть стихотворение «Я был велик. Толпа земная...», в котором первая строфа – ситуация «лирический субъект на вершине горы», вторая строфа – ситуация «лирический субъект в долине»: *Я был велик. Толпа земная / Кишела где-то там в пыли, / Один я наверху стоял, / Был с Богом неба и земли. // И где же горные вершины? / Где лучезарный свет и гром? / Лежу я здесь, на дне долины, / В томленье скорбном и немом* [6. С. 87]. Также на уровне структуры целого стихотворения мы видим пример контрастной композиции в стихотворении Лосева «Койшаурская долина» [2. С. 501]. Два смысловых блока оппозиционны друг к другу. Первый блок – описание гор, представляющих космогонию идеального вечного бытия, дерзнувшего к земному воплощению. Смысловой слом происходит после двенадцатой строки. С тринадцатого до двадцатого стиха – второй блок – описание наполненной жизнью равнины. Горы и равнина противоположны:

1-й блок 'Горы'

Грехопаденья **злой набат**,
В туманах **зол** страстные очи
И **леденящий** мира глад
В грехах седой вселенской Ночи
Являют зрящей грезе лик
Верховных таинств мироздания:
Сего **рушенья** зрак велик
И солнцезрачен **огнь рыдания**;
Сих **злоб** полетных **дыба круч**
Взвихрит истомно глубь свидений;
Громоразрывен и могуч
Сей **омрак** горних ринований.

2-й блок 'Равнина'

Но лава понятийных бед
Зеленой **тишью** зацветает,
И **водопадных** слав завет
Рекою **мирной** сребрно тает.
Пасутся **мирные** стада
В долине **тихой, благодатной**,
И **мягко** стелятся года
Счастливой жизни, беззакатной.

¹ «Поэтому необходимо предположить, что от зримой вещи несутся умные потоки и лучи, приносящие с собою умный зрак вещи умно-видящему глазу» [8. С. 295].

² «Ум дан сам себе непосредственно: он видит себя так, как мы видим своими живыми глазами реальную вещь. Это есть зрение, созерцание, видение, точнее, увиденность, узренность, самопрозрачность. <...> ...В сумме мы обязаны говорить об умном видении, – единственно допустимой форме проявления интеллигенции. Ум видит, но он видит изнутри все смысловые связи, из которых он сам состоит» [13. С. 399].

³ «...Я осязаю здесь умом некую статую, – может быть, безглазую, которая смотрит не глазами, но всем своим существом, как бы всеглазую...» [14. С. 599].

⁴ «...Существуют не только физические глаза, уши, осязание и т.д., но и чисто умные. Ум – так же выразителен, как и восприятия, и даже бесконечно более выразителен, чем восприятия. Существует умное зрение, умный слух, умное обоняние, умное осязание» [13. С. 508].

Так идеальное вечное бытие через катаклизмы первотворения переходит в бытие теплой земной жизни. Эта жизнь обозначена с помощью традиционного идиллического комплекса: 'зеленая тишь – мирная река – мирные стада – тихие долины – счастливая жизнь'. Последние восемь строк стихотворения – третий смысловой блок – рассуждение о бытийном круговороте в форме вопросительных конструкций:

Ты спросишь, тайно осяян,
Зовомый гулом откровений,
Под Млетским спуском обуян
Бытийных заревом томлений:
Не заново ль вся красота,
Горений девственных первина?
Не заново ль твоя мечта,
О, Кайшаурская долина?

Стихотворение выстроено по классической модели: «тезис – антитезис – синтез». Рассуждение, содержащее вопросительные конструкции, стало обобщающим компонентом, подводящим читателя к выводу о диалектике мирового бытия.

Нередко в стихотворениях Лосева противоположности или взаимоисключающие понятия сливаются в одном мотиве: 'вихрь миров застыл', 'зовы пропастей безмолвны' («Клухорский перевал» [2. С. 502]), 'алеет синева' («Зекарский перевал» [2. С. 503]); в описании одного явления: *О трудных снов и бунт, и дурь, / И пыл, и скука, и тревога* («Терек в Дарьяле» [2. С. 504]), «растущие пропасти и бездны», *И страсть, и хлад, и тошнота, / И взмыв, и ник, и исступленье...*, бури «светло-темные», ключья «тускло-буйные» («У снегов Эльбруса» [2. С. 505]); в одном образе: 'Дарьял → риза Бога в хмельном раздранье' («Терек в Дарьяле» [2. С. 504]), 'хребет гор → некто одет в недвижность судорог' («У снегов Эльбруса» [2. С. 506]). Ранее в философских работах Лосев, указывая на отличие диалектики от логики и от других наук, отмечал то, что диалектика располагает «законом совпадения противоположностей»¹. Развитие бытия одновременно дифференцируется и интегрируется, в реальной жизни разума и бытия постоянно происходит различение и отождествление («Самое Само» [10. С. 408]). Сущностное свойство вещи, отражающее закон совпадения противоположностей, наделяется значением символа: «отождествление различий, или совпадение противоположностей, есть символ» [10. С. 347]. Смысл вещи Лосев трактует через понятие «единораздельности», когда тождество не становится абсолютным единством, но всегда сохраняется и какая-то различность [10. С. 490].

Понятие «вселенная» относится к тому же семантическому полю, что и «мироздание», и сохраняет весь комплекс контекстуальных значений. Холод и покой связаны с семантикой смерти, что подтверждается прямым контекстом: *Стезя над бледностью морен / Зовет на этот склеп вселенной. / Шагая по снегу, и – тлен / Впивая смерти сокровенной* («Клухорский перевал» [2. С. 502]); *Седых хребтов немой кортеж / Бездумно-сребренные льдины. /*

¹ «...В цельном лике мы находим слияние противоречивых признаков, органически претворенных в жизненно-бытийственный организм вещи» [8. С. 69].

Здесь траур мировых держав, / Вселенских пасмурность курганов... («У снегов Эльбруса» [2. С. 506–507]). Но смерть не имеет отрицательных коннотаций, она не является абсолютным злом. Смерть – это выход в вечность, она – венец аскетического служения, отсюда смерть – ‘сокровенная’, усыпление – ‘схема’, самозабвение – ‘вериги’, а сон вселенных – ‘духовный пост’: Но здесь, в пустыне, глад и стон, / Духовный пост изнеможений, / Задушенных вселенных сон... «Постник» ([2. С. 511]). И в философских работах Лосев отождествлял смерть и некое идеальное пространство¹.

«Вселенское» представлено через концептуальные образы и мотивы: ‘вселенная → плоть в язвах’, ‘глыбы космоса → висит распятие’ («Терек в Дарьяле» [2. С. 504]), ‘дух распят на древе мира’, ‘мир → древо (креста)’ («Тревог предвечных шум и стон...» [2. С. 515]). Эти образы и мотивы имплицитно указывают на тему Христа. Связь между вселенной и Христом двойственна. Христос – это облик Бога, вошедшего в тварную природу. В монографии «Владимир Соловьев и его время» Лосев так характеризовал сущность вселенной: «...вселенная не есть просто хаотическая, никак не оформленная материя, пассивно принимающая свой законченный облик, но именно этот облик, законченный в результате воздействия божественных энергий на пустоту и бесформенность» [4. С. 211]. С другой стороны, проводится параллель между миром космоса и жертвенной, страдающей плотью Христа в момент, когда эта плоть вбирает весь грех мира и находится в разрыве с Богом Отцом. В работах «Музыка как предмет логики» и «Очерк о музыке» Лосев дал поэтические определения механизму материального мира. И в этом определении он раскрыл смысл темы распятия в связи с темой мира². Так же, как хаотичный космос, распята душа человеческая между миром и Богом³.

Мы видим, что Лосев воплощает свое учение в двух взаимно дополняющих формах речи, оформляя поэзию как философские тексты, а философские тексты – как художественные. Повторяющиеся тематические комплексы в лирике отражают магистральные направления философской теории. Окружающие темы являются онтологическими символами, раскрывающими разносторонние философские характеристики, свойственные центральным темам «вселенная», «мир», «мироздание». Такой онтологический символизм выражен не только через определенные лексемы, но и через прием сталкивания противоположных или взаимоисключающих значений в композиционных и тематических оппозициях. Тематические, мотивные, образные парал-

¹ «Точность и определенность понятия есть послушание смерти и пространству с его абсолютным нулем» [14. С. 471]. См. также: [7. С. 124–125].

² «Мир, растерзанный и распятый, разбитый на куски; всеобщая и абсолютная раздельность одного предмета от другого, когда А только А и ничего больше; полная покинутость каждого А и вечное его одиночество; отсутствие каких бы то ни было родственных связей, вечная вражда и разъединение...» [14. С. 438–439], см. также: [14. С. 451, 474]; о «Пятой симфонии» Бетховена: «К стали и гнетущей силе обычных в первой части ударов присоединяется здесь тоска страшнейших размеров о распятом мире. Раззятая на части вселенная висит на кресте. Не к кому молиться и вздыхать. Скорбный взор пронзает вселенную насквозь и созерцает недвижно ее светлое тело, помраченное муками распятия» [14. С. 660–661].

³ «Еще остается кроме этого сурово-объективного, холодно-безличного мира Судьбы мир личности человеческой. И она ведь трагически распята, ведь и в ней те же Законы Воли-Хаоскосмоса» [14. С. 659], см. также: [14. С. 479].

лели между поэзией Лосева и его философскими текстами не только показывают их единство в рамках творческой системы автора, но являются еще одним свидетельством неразрывной генетической связи русской философии с миром поэзии.

Литература

1. Лосев А.Ф. О мироощущении Эсхила // Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. М., 1994. С. 781–880.
2. Лосев Л.Ф. «Я сослан в XX век...»: в 2 т. Т. 2. М.: Время, 2002. С. 648–654.
3. Тахо-Годи Е.А. «Зелень рая на земле...» (Поэтический мир Алексея Федоровича Лосева) // Новый журнал: Нью-Йорк. 1995. № 196. С. 291–299.
4. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время М.: Молодая гвардия, 2009. 617 с.
5. Лосев А.Ф. Очерк о музыке // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. М., 1995. С. 837–666.
6. Соловьев В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Сов. писатель, 1974. 351 с.
7. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. М., 1994. С. 6–216.
8. Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М., 1993. С. 61–612.
9. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. 959 с.
10. Лосев А.Ф. Самое Само // Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. М., 1994. С. 299–526.
11. Лосев А.Ф. Философский комментарий к драмам Рихарда Вагнера // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. М., 1995. С. 667–732.
12. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Разложение эстетики Ренессанса // Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. 750 с.
13. Лосев А.Ф. Фрагменты дополнений к “Диалектике мифа” // Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. М., 1999. С. 377–514.
14. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А.Ф. Философский комментарий к драмам Рихарда Вагнера // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. М., 1995. С. 405–602.

THEMES “UNIVERSE” AND “WORLD” IN THE POETRY AND PHILOSOPHY OF ALEKSEI FEDOROVICH LOSEV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 4(42), 157–167. DOI: 10.17223/19986645/42/12

Alla V. Radionova, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: al-larad1@rambler.ru

Keywords: A.F. Losev, philosophy, lyrics, theme, contextual semantic complex, ontological symbol.

Aleksei Fedorovich Losev often expressed his worldview in poetic techniques. A notebook was preserved with twenty of his poems (1942–1943). These poems have ontological vocabulary of the traditional philosophical discourse, including words “world” and “universe”.

The universe is created by the Demiurge and is animate. Losev glorifies the feminine principle of the universe – “the Soul of the Worlds” – in his poems and philosophical prose.

In Losev’s poetic texts the universe has such inherent qualities as cold, snow. The semantics of cold reflects the idea of a static, eternal, pure world. “Cold” has a conceptual meaning, determining a kind of an ideal, original space, a cosmic being, eternity. Cold and calm are associated with the semantics of death. But death has no negative connotations; it is not an absolute evil. Death is a way to eternity, the crown of ascetic life. Losev identifies death and some ideal space.

The description of the universe is accompanied by a lot of oppositions combined in a complex. Often, mutually exclusive concepts merge into one motive, image. Thus the concept of being is shown that is both differentiated and integrated. In the real life of mind and existence there is constant discernment and identification. An essential property of things that reflects the law of the coincidence of opposites is given the value of a symbol.

In the poems the world is presented as immersed in a dream. The universe is created out of chaos, it is in a sleepy state, in the snowy calm. If there is movement, it is associated with the process of for-

mation. Movement of the world is alarming, and, reversely, anxiety creates movement in the world. Anxiety is not just an emotion, but the ontological symbol of creation.

The contextual environment of the themes “world”, “universe” and “space” has words of the semantic field “senses”. The world was created to be cognized and perceived by the subject. The terms “smart-seeing eye” and “smart vision” combine processes of physical cognition and mental self-discovery. Seeing space in poetry is a phenomenon of existence, containing the absolute truth in itself. All the senses are the symbols of mental experience: “smart smell”, “smart touch”.

Losev interprets “universal” through conceptual images and motifs associated with the theme of crucifixion, implicitly pointing to Christ. Christ is the image of God in the creaturely nature. On the other hand, there is a parallel between the world of space and the sacrificial, suffering flesh of Christ at the moment when this flesh absorbs all the sin of the world and is in the rupture with God the Father.

Losev verbalizes his teaching in two mutually complementary forms: prose and poetry. Thematic, motivic, and figurative parallels between Losev’s poetry and his philosophical texts not only show their unity within the creative system of the author, but are yet another Testament to the inextricable genetic relationship of Russian philosophy with the world of poetry.

References

1. Losev, A.F. (1994) O mirooshchushchenii Eskhila [On the outlook of Aeschylus]. In: Losev, A.F. *Mif – Chislo – Sushchnost’* [Myth – Number – Essence]. Moscow: Mysl’.
2. Losev, A.F. (2002) “Ya soslan v XX vek...”: V 2 t. [“I was exiled to the 20th century . . .”: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Vremya.
3. Takho-Godi, E.A. (1995) “Zelen’ raya na zemle...” (Poeticheskiy mir Aleksey Fedorovicha Loseva) [“The Green of Paradise on earth . . .” (poetic world of Aleksei Fedorovich Losev)]. *Novyy zhurnal*. 196. pp. 291–299.
4. Losev, A.F. (2009) *Vladimir Solov’ev i ego vremya* [Vladimir Soloviev and his time]. Moscow: Molodaya gvardiya.
5. Losev, A.F. (1995) Ocherk o muzyke [Essay on music]. In: Losev, A.F. *Forma – Stil’ – Vyrazhenie* [Form – Style – expression]. Moscow: Mysl’.
6. Solov’ev, V.S. (1974) *Stikhotvoreniya i shutochnye p’esy* [Poetry and comic plays]. Leningrad: Sovetskiy pisatel’.
7. Losev, A.F. (1994) Dialektika mifa [Dialectics of the myth]. In: Losev, A.F. *Mif – Chislo – Sushchnost’* [Myth – Number – Essence]. Moscow: Mysl’.
8. Losev, A.F. (1993) Antichnyy kosmos i sovremennaya nauka [Ancient Cosmos and Modern Science]. In: Losev, A.F. *Bytie – imya – kosmos* [Genesis – name – space]. Moscow: Mysl’.
9. Losev, A.F. (1993) *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow: Mysl’.
10. Losev, A.F. (1994) Samoe Samo [The very it]. In: Losev, A.F. *Mif – Chislo – Sushchnost’* [Myth – Number – Essence]. Moscow: Mysl’.
11. Losev, A.F. (1995) Filosofskiy kommentariy k dramam Rikharda Vagnera [The philosophical commentary on the dramas of Richard Wagner]. In: Losev, A.F. *Forma – Stil’ – Vyrazhenie* [Form – Style – expression]. Moscow: Mysl’.
12. Losev, A.F. (1996) Estetika Vozrozhdeniya. Razlozhenie estetiki Renessansa [Renaissance aesthetics. The decay of the Renaissance aesthetics]. In: Losev, A.F. *Mifologiya grekov i rimlyan* [The mythology of the Greeks and Romans]. Moscow: Mysl’.
13. Losev, A.F. (1999) Fragmenty dopolneniy k “Dialektike mifa” [Fragments of the additions to the Dialectics of the Myth]. In: Losev, A.F. *Lichnost’ i Absolyut* [Personality and the Absolut]. Moscow: Mysl’.
14. Losev, A.F. (1995) Muzyka kak predmet logiki [Music as a subject of logic]. In: Losev, A.F. *Forma – Stil’ – Vyrazhenie* [Form – style – expression]. Moscow: Mysl’.